

ХIII. ЖЕНИТЬБА И ПЕРЕЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

Чернышевский пережил несколько увлечений до знакомства в 1853 году с будущей своей женой — Ольгой Сократовной Васильевой. Было время, когда он благоговел перед Надеждой Егоровной. Что-то похожее на влюбленность было в его отношении к Александре Григорьевне Клиентовой (Лавровой). Через год после своего приезда в Саратов он увлекался некоторое время сестрою своего ученика Кобылина. Он «бредил» ею, по собственному его признанию, и даже попытался однажды объяснить ей в любви, но она отклонила этот разговор, может быть потому, что отлично понимала, какая пропасть разделяет их: ее отец занимал весьма видное положение в городе; родители Кобылиной не захотели бы породниться со вчерашним семинаристом.

Однако все эти увлечения померкли перед тем чувством глубокой и сильной любви, которое овладело им, когда он познакомился с Ольгой Сократовной.

Первая встреча их произошла в доме дальней родственницы Пыпиных, жены саратовского брендмейстера Акимова, 26 января 1853 года.

«Марья Евдокимовна будет именинница завтра, по-

езжай, поздравь ее», — сказали мне наши... И я поехал. Меня пригласили на вечер. Этого мне и хотелось.... И вот там Палимпсестов, и вот приехала Катерина Матвеевна Патрикеева и Ольга Сократовна Васильева...»

Так открывается «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье», начатый Чернышевским 19 февраля, то-есть несколько недель спустя после описываемого вечера, на котором завязалось это знакомство.

Она была дочерью саратовского врача Сократа Евгеньевича, которого за глаза обыватели просто называли Сократом. Чернышевский слышал о ней и прежде: один его знакомый рассказывал ему, что однажды она, поднимая на вечеринке бокал, провозгласила тост «за демократию». Уже одно это всецело расположило Чернышевского в пользу Ольги Сократовны, а теперь, встретившись лицом к лицу с живой, веселой, своеобразно красивой девятнадцатилетней девушкой, он стал сначала полушутливо, а затем все более пылко говорить ей о своих чувствах. «Начну откровенно и смело: я пылаю к вам страстною любовью, но только с условием, если то, что я предполагаю в вас, действительно есть в вас».

Так среди веселья, шума и танцев, улущая минуты, когда можно было продолжать начатое объяснение, он все настойчивее уверял ее в искренности своей любви.

Его товарищ по семинарии Палимпсестов, как бы подтверждая слышанное Чернышевским о тосте Ольги Сократовны, заметил ему: «Она демократка». Тогда Чернышевский, подойдя к ней, сказал: «Мое предположение верно, и теперь я обожаю вас безусловно». Затем, танцуя с нею кадрили, он говорил: «Вы не верите искренности моих слов — дайте мне возможность дока-

зять, что я говорю искренно. Требуйте от меня доказательств моей любви».

После уже Ольга Сократовна говорила своему жениху, что его поведение в тот вечер показалось ей чрезвычайно странным, что «это даже показалось ей слишком дерзко прямо в первый раз объясниться в любви, но что она подумала: «Оскорбиться мне или не показывать этого? обратить в шутку? Лучше обращаться в шутку».

Но поздно уже было обращать это в шутку. Много лет спустя, анализируя в одной из статей характер любимого своего писателя — Гоголя, Чернышевский писал: «Многосложен его характер, и до сих пор загадочны многие черты его. Но то очевидно с первого взгляда, что отличительным качеством его натуры была энергия, сила, страсть... Таким людям не всегда безопасны бывают вещи, которые всем другим легко сходят с рук. Кто из мужчин не волочитя, кто из женщин не кокетничает? Но есть натуры, с которыми нельзя шутить любовью..»

К числу именно таких натур принадлежал и сам Чернышевский. Первая любовь стала для него единственной: он сохранил ее на всю жизнь. И хотя чувство это подвергалось впоследствии многим испытаниям, ничто не могло поколебать его или ослабить хоть на йоту.

Мысль о возможности брака с Ольгой Сократовной возникла у него вскоре после их первой встречи. Когда он узнал от знакомых, что Ольга Сократовна тяготеет жизнью в своей семье, что у нее тяжелые отношения с матерью, он проникся к ней еще большим сочувствием. Таков уж было коренное свойство его характера: «Всякое несчастье, всякое горе заставляет меня более интересоваться человеком, усиливает мое расположе-

ние к нему. Если человек в радости, я радуюсь вместе с ним. Но если он в горе, я полнее разделяю его горе, чем разделяю его радость, и люблю его гораздо больше...»

Много раз он отмечал в себе эту черту, эту особенность: «Вот уж сколько людей привлекали меня к себе грустностью, томительностью своего положения. Василий Петрович, Александра Григорьевна — два человека, к которым я чувствовал истинную привязанность, — конечно, эта привязанность много обуславливалась их положением, а не одними их личными достоинствами».

Он не хотел скрывать от Ольги Сократовны, что он не знает, сколько времени пробудет на свободе; он говорил ей, что в любой день его могут арестовать и заточить в крепость, быть может навсегда.

19 февраля у него произошло решительное объяснение с Ольгой Сократовной. Разговор с нею еще раз подтверждал, насколько ясно сознавал он уже тогда, какая участь может постигнуть его в будущем. Сделав в тот день предложение Ольге Сократовне, он не скрыл от нее, что, давая согласие, она должна быть готова к любым опасностям и неожиданностям.

— Я не имею права сказать того, что скажу; вы можете посмеяться надо мною, но все-таки я скажу, — начал Чернышевский. — Вам хочется выйти замуж, потому что ваши домашние отношения тяжелы.

— Да, это правда. Пока я была молода, ничего не хотелось мне, я была весела; но теперь, когда я вижу, как на меня смотрят домашние, моя жизнь стала весьма тяжела. И если я весела, то это больше принужденность, чем настоящая веселость.

Увидев, что Ольга Сократовна не таится от него, откровенна с ним, он продолжал:

— Выслушайте искренние мои слова. Здесь, в Саратове, я не имею возможности жить... Карьеры для меня здесь нет. Я должен ехать в Петербург. Но это еще ничего. Я не могу здесь жениться, потому что не буду иметь никогда возможности быть здесь самостоятельным и устроить свою семейную жизнь так, как бы мне хотелось. Правда, маменька чрезвычайно любит меня и еще больше полюбит мою жену. Но у нас в доме вовсе не такой порядок, с которым бы я мог ужиться; поэтому я теперь чужой дома — я не вхожу ни в какие семейные дела... Я даже решительно не знаю, что у нас делается дома. Итак, я должен ехать в Петербург. Приехавши туда, я должен буду много хлопотать, много работать, чтобы устроить свои дела. Я не буду иметь *ничего* по приезде туда: как же я могу явиться туда женатым?

Однако не об этих трудностях хотел предупредить Ольгу Сократовну Чернышевский. Другая забота лежала у него на душе. Он высказал ее так:

— С моей стороны было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени. Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой, — я такие вещи говорю в классе.

— Да, я слышала это.

— И я не могу отказаться от этого образа мыслей — может быть, с годами я несколько поохладею, но едва ли.

— Почему же? Неужели в самом деле не можете вы перемениться?

— Я не могу отказаться от этого образа мыслей, потому что он лежит в моем характере, ожесточенном и недовольном ничем, что я вижу кругом себя. И я не знаю, охладею ли я когда-нибудь в этом отношении. Во всяком случае до сих пор это направление во мне все более и более только усиливается, делается резче, холоднее, все более и более входит в мою жизнь. Итак, я жду каждую минуту появления жандармов, как благочестивый христианин каждую минуту ждет трубы страшного суда. Кроме того, у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем.

Она почти засмеялась, — ей показалось это странно и невероятно.

— Каким же это образом?

— Вы об этом мало думали или вовсе не думали?

— Всю не думала.

— Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие.

— Вместе с Костомаровым?

— Едва ли — он слишком благороден, поэтичен; его испугает грязь, резня. Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня.

— Не испугает и меня. (О, боже мой! Если бы эти слова были сказаны с сознанием их значения!)

— А чем кончится это? Каторгою или виселицею.

Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей.

(На ее лице были видны следы того, что ей скучно слушать эти рассказы.)

— Довольно и того, что с моей судьбой связана судьба маменьки, которая не переживает подобных событий. Вот видите — вам скучно уже слушать подобные рассуждения, а они будут продолжаться целые годы, потому что ни о чем, кроме этого, я не могу говорить. А какая участь может грозить жене подобного человека? Я вам расскажу один пример. Вы помните имя Искандера? ¹

— Помню.

— Он был весьма богатый человек. Женился по любви на девушке, с которою вместе воспитывался. Через несколько времени являются жандармы, берут сго, и он сидит год в крепости. Жена его (извините, что я говорю такие подробности) была беременна. От испуга у нее родится сын глухонемой. Здоровье ее расстраивается на всю жизнь. Наконец его выпускают. Наконец ему позволяют уехать из России. Предлогом для него была болезнь его жены (ей в самом деле нужны были воды) и лечение сына... Вдруг Людовик Наполеон, теперь император Наполеон, думая оказать услугу Николаю Павловичу, схватывает его и отправляет в Россию. Жена, которая жила где-то в Остенде или в Диэппе, услышав об этом, падает мертвая. Вот участь тех, которые связывают свою жизнь с жизнью подобных людей. Я не равняю себя, например, с Искандером по уму, но должен сказать, что в резкости образа мыслей не уступаю ему и что я должен ожидать подобной участи.

¹ И с к а н д е р — псевдоним А. И. Герцена.

Ольгу Сократовну не смутили эти предупреждения. Правда, ее вопрос, — неужели не может переменить свой образ мыслей ее избранник, — а также и подмеченные Чернышевским следы скуки на лице Ольги Сократовны во время его рассказа показывают, что, должно быть, не по твердому убеждению и не с полным сознанием, а скорее инстинктивно она не отшатнулась от того, кто с таким прямотушием и прозорливостью рисовал перед нею опасности предлагаемого ей пути. В рассказе его об участии Наталии Александровны Герцен, которая скончалась в 1852 году, были некоторые неточности, может быть, сознательно им допущенные, но дело, разумеется, не в них, а в том, что уже тогда молодой учитель видел в судьбе Герцена — Искандера прообраз своей судьбы. Он ошибся в одном — неизмеримо горше и тяжелее были ожидавшие его впереди испытания.

Многое знаменательно и чрезвычайно интересно в этом объяснении Чернышевского с его невестой. Оказывается, она знала, она слышала о том, что он такие вещи говорит в классе, которые пахнут каторгой. Она могла знать это через своего брата Венедикта, учившегося в гимназии у Чернышевского. Любопытно и то, что в сознании саратовских обывателей соединилось несоединимое — они могли ставить на одну доску пламенного революционера Чернышевского и профессора, никогда и не помышлявшего о революции.

Отголоском этого смещения и явился вопрос Ольги Сократовны, который она задала Чернышевскому, выслушав его уверение в том, что он непременно примет участие в народном бунте, если бунт вспыхнет. «Вместе с Костомаровым?» — спросила его Ольга Сократовна, сама еще не понимая, как наивен был этот вопрос.

Первоначально Чернышевский условился с невестой, что весною он уедет на несколько месяцев в Петербург, чтобы устроить там свои дела, а затем вернуться за нею в Саратов. Но скоро они изменили это решение. Ольга Сократовна слишком тяготилась домашней обстановкой, отношениями с матерью и старшим братом. Она откровенно и прямо выразила желание, обвенчавшись, поехать в Петербург вместе с Николаем Гавриловичем, не дожидаясь, пока устроятся его дела.

Родители Чернышевского сначала отнеслись отрицательно к намерению его жениться на Ольге Сократовне. На них, повидимому, повлияло то, что обывательская молва рисовала ее чрезмерно бойкой девицей. Николаю Гавриловичу предстояло сломить нежелание родителей. Он с глубокой нежностью любил их, но всегдашняя уступчивость его не могла простираться так далеко. В эти дни он писал в дневнике: «Я сильно огорчу их. Это так. Но это меня не колеблет... Они не судьи в этом деле, потому что у них понятия о семейной жизни, о качествах, нужных для жены, об отношениях мужа к жене, о хозяйстве, образе жизни решительно не те, как у меня. Я человек совершенно другого мира, чем они, и как странно было бы слушаться их относительно, например, политики или религии, так странно было бы спрашивать их совета о женитьбе».

Как он и предвидел, добиться согласия отца было значительно легче, чем склонить к согласию Евгению Егоровну. Но, попытавшись противодействовать сыну, она сразу же увидела, что он непоколебим в своем решении и готов до конца идти наперекор ее воле. После долгих объяснений она вынуждена была уступить.

Свадьбу назначили на 29 апреля. Но счастье Чернышевского было омрачено тяжелой болезнью и по-

следовавшей 19 апреля смертью горячо любимой матери.

Через несколько дней после свадьбы Чернышевский с женой выехал в Петербург. В день его отъезда гимназисты теснились, окружая его квартиру, и со слезами проводили его.

Дорогою его не покидали мысли об оставленном отце, которого он так преданно любил. Он писал ему с пути, пользуясь остановками в Чунаках, в Арзамасе, в Нижнем... Потрясение, вызванное смертью матери, надломило Николая Гавриловича, но утешая отца, он сообщал ему, что чувствует себя лучше: слабость проходит и лихорадки уже нет.

Медленно продвигались вперед, потому что ехали только днем, а на ночь всякий раз останавливались отдыхать. Ольгу Сократовну, впервые отправившуюся в такое длительное путешествие, поездка в тарантасе изрядно утомила. В Москве задержались только на два часа — так торопился Николай Гаврилович скорее попасть в Петербург, чтобы еще застать там Введенского, собиравшегося отправиться за границу. Содействие Введенского обеспечило бы ему получение уроков в военноучебных заведениях, а это было необходимо на первых порах, пока не определятся отношения с редакциями журналов.

От Москвы до Петербурга ехали по новой, недавно открытой железной дороге. Много толков было тогда об этой дороге, строившейся под началом бывшего адъютанта Аракчеева — графа Клейнмихеля, не щадившего ни здоровья, ни жизни рабочих, чтобы шегольнуть перед царем быстротою постройки. Сотнями сгоняли на постройку дороги голодных землекопов, размещали их в сырых землянках и заставляли за бесценок работать в каторжных условиях. Спустя не-

сколько лет Некрасов увековечил в своей знаменитой поэме нечеловеческие страдания подневольных строителей Николаевской дороги:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?
.....

...Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой...

За два года, прожитые в Саратове до женитьбы, Чернышевский воочию увидел в глубине России, как тяжела, страшна и безотраднa жизнь народа, каким унижениям и мукам подвергают бесправных, темных, нищих крестьян, вынуждая их трудиться в поте лица для довольства и счастья верхушки общества. Он и прежде, в отроческие годы, наблюдал на каждом шагу картины жестокой и мрачной действительности: нищету и угнетение большинства, безнаказанный произвол тунеядцев, живущих за счет лишений и слез трудового народа. Но прежде он не сознавал с такою ясностью, где коренятся причины социального неравенства и что надо делать, чтобы разрушить многовековой уклад жизни, основанный на несправедливости.

Университетская пора до неузнаваемости расширила его духовный горизонт, а годы жизни в Саратове, когда он учительствовал, снова дали ему обильную пищу непосредственных бытовых впечатлений, и теперь он был преисполнен решимости посвятить свои силы борьбе за освобождение родины от гнета и насилия.

По приезде в Петербург Чернышевы до приискания удобной квартиры остановились у Терсинского. Жена Терсинского умерла годом раньше, но Иван Григорьевич попрежнему поддерживал родственные связи с Пыпиными и Чернышевскими.

Николай Гаврилович сразу же с поразительной энергией принялся за осуществление своих планов, намеченных еще в Саратове. Одно из самых главных его желаний — широко выступить на литературном и публицистическом поприще — не могло быстро осуществиться. Для этого требовалось время, подготовка, установление связей в журнальном мире и т. п. Поэтому он занялся прежде всего осуществлением ближайших целей, не упуская все же из виду и главной.

«Житейская необходимость» толкала его на путь научно-академической деятельности. Предполагая получить ученую степень, он подал попечителю учебного округа прошение о том, чтобы его допустили к магистерским экзаменам, которые тот и предложил ему держать осенью. Место профессора в университете или место ученого библиотекаря в Публичной библиотеке представлялось тогда Чернышевскому единственно привлекательным, раз уж надлежало служить. Он и надеялся добиться подобного места через год, через два, а до того времени решил учительствовать в корпусе.

Строя в Саратове планы своей будущей жизни, Николай Гаврилович рассчитывал, что участие Введенского и Срезневского облегчит ему первоначальное устройство дел в Петербурге. И он не обманулся в этих надеждах. И тот и другой приняли его радушно, радужнее даже, нежели он ожидал.

Уезжая на время за границу, Введенский передал Николаю Гавриловичу большую часть своих уроков по

теории поэзии и по истории всеобщей литературы в военноучебных заведениях. Из Саратова Чернышевский привез законченный «Опыт словаря к Ипатьевской летописи» и отдал его Срезневскому для напечатания в «Известиях Академии наук». Работа была принята Срезневским. Правда, это не сулило материального вознаграждения, но появление подобного труда в печати должно было придать вес Чернышевскому в университетских кругах. Сам он уже скептически относился к этой работе. «Это будет, — писал он отцу, — самое скучное, самое неудобочитаемое, но вместе едва ли не самое труженическое из всех ученых творений, какие появлялись на свет в России».

В сущности, это был бескорыстный труд в пользу науки и своей ученой репутации, потому что гонорар за него по тогдашним правилам не платили. А чего стоило подготовить словарь! Он трудился над ним в течение нескольких лет. Теперь же одно только наблюдение за печатанием словаря влекло за собою пропасть работы. Между тем надобно было думать и о заработках. Не ограничиваясь уроками в корпусе, он ищет частных уроков, берет на себя правку корректуры исторической грамматики русского и церковно-славянского языка, начинает переговоры о постоянном сотрудничестве в журналах. Наряду с этим готовится к магистерским экзаменам и обдумывает тему будущей диссертации. Уже тогда проявилась в полной мере замечательная способность Чернышевского работать одновременно в различных областях и планомерно осуществлять одну за другой поставленные перед собою задачи.

Летом Николай Гаврилович начал переговоры с редактором «Отечественных записок» А. А. Краевским о своем сотрудничестве в журнале. Вскоре он сообщил

отцу, что дела с «Отечественными записками», кажутся, устраиваются. И действительно, уже в июльском номере журнала появились его рецензии на книгу А. Гильфердинга «О сродстве языка славянского с санскритским» и на антологию д-ра Нейкирха «Собрание поэтов». Эти рецензии были началом литературно-критической деятельности Чернышевского, его дебютом в большой прессе.

Деловая обстановка, хлопоты и заботы всякого рода сразу же до такой степени захватили его в Петербурге, что у него положительно не оставалось свободной минуты, чтобы почитать книгу просто для удовольствия или написать пообстоятельнее письмо в Саратов. Но Николай Гаврилович не огорчился, что у него так много дел. «Дай бог, — шутил он, — чтобы их было не меньше и на будущее время, потому что отсутствие работы в Петербурге страшнее всякого наводнения». (Как раз в год их приезда в Петербург случилось наводнение, слухи о котором дошли до Саратова.)

На первых порах Чернышевские жили чрезвычайно скромно, дорожа каждой копейкой, потому что заработки Николая Гавриловича были случайными, а из сорока рублей, получаемых в месяц за уроки в корпусе, большая часть уходила на стол и квартиру. Всего только два-три раза побывали они в театре в первый год своей петербургской жизни. В гости ходили редко, еще реже принимали гостей у себя. Из университетских друзей Чернышевского чаще других посещал его Михайлов. Давняя мечта Михаила Ларионовича исполнилась: он уже переехал из Нижнего Новгорода в Петербург, сотрудничал у Некрасова в «Современнике», печатал свои стихотворения и повести в различных журналах.

Живость, простота, природный ум и непринужденность Ольги Сократовны в обращении с окружающими расположили к ней поэта, и однажды он набросал в альбом Чернышевской посвященное ей стихотворение «Портрет»:

У нее, как у Хитаны,
Взор, как молния, блестит,
Как у резвой польской панны
Голос ласково звучит;
Как у юноши от раны,
Томен цвет ее ланит.
Есть возможность не влюбиться
В красоту ее очей,
Есть возможность не смутиться
От приветливых речей;
Но других любить решиться
Нет возможности при ней.

Приветливо встретили Ольгу Сократовну и в семье Срезневских. Летом 1853 года Чернышевский в связи с печатанием словаря приезжал к ним в Павловск с женою и гостил у них по нескольку дней. «Семейство Срезневского, особенно сам он и его мать, — писал Николай Гаврилович в Саратов, — понравились Ольге Сократовне. Срезневский даже бегают с нею в перегонки по Павловскому парку... Мать Срезневского от души радуется, что у меня такая жена, и говорит, что мы с нею будем очень счастливы».

В августе Чернышевские переехали в квартиру Введенского на Петербургской стороне, близ Тучкова моста. Введенскому, у которого было трое детей, квартира эта стала тесна, и он перебрался на другую.

У Николая Гавриловича были связаны с этой квартирой живые воспоминания студенческой поры. Здесь нашел он тогда дружеский приют, сердечное участие, среду честных и мыслящих людей, любивших Россию и

ненавидевших деспотизм. Здесь с любовью и уважением произносили имена декабристов, Белинского, Герцена, Петрашевского и его друзей. Здесь выражали горячее сочувствие революции 1848 года, учению социалистов о всеобщем равенстве в будущем обществе. Здесь доводилось Чернышевскому-юноше рьяно доказывать некоторым из посетителей вечеров Иринарха Ивановича правоту тех, которые поднялись с оружием в руках на защиту коренных интересов народа.

Он давно любил эту набережную и так хорошо знакомый путь по ней влево от Тучкова моста, к дому Бородиной во дворе, где квартировали на втором этаже его друзья. Большая медная доска с надписью: «И. И. Введенский» была теперь снята с двери. В трех просторных комнатах разместились Чернышевские и Александр Пыпин. Правда, дороговата была для Чернышевских эта квартира — двадцать рублей серебром в месяц, но что ж делать, когда другой такой же за меньшие деньги не могли отыскать!

Репутация Пыпина, заканчивавшего тогда весьма успешно университет и выступившего в «Отечественных записках» со статьей о драматургии XVIII века Лукине, уже успела упрочиться в ученом мире. Профессора предсказывали ему хорошую карьеру, поражались его неутомимому трудолюбию и солидным библиографическим познаниям.

Внутренне двоюродные братья были далеки друг от друга. Духовные интересы будущего профессора и академика представлялись Чернышевскому слишком узкими. Расплывчатый либерализм Пыпина, его весьма умеренные общественные идеалы были чужды Николаю Гавриловичу. Но Пыпин не стоял на его пути, не вступал с ним в споры, не мешал ему, целиком погруженный в свои изыскания в области древней словес-

ности и литературы минувшего века, и потому между ними не только не происходило в быту никаких столкновений, а, напротив, царило полное внешнее согласие. Пыпин не отрывался от письменного стола, готовя словарь к Новгородской летописи, новые ученые статьи для журналов и университетское сочинение на медаль.

Иногда они бывали вместе на вечерах у Никитенки, у Введенского и Срезневского. Зная, как ласкают гордость родителей Пыпина достижения Сашеньки, Чернышевский писал им в Саратов, что статья о Лукине имела очень большой успех. «В пятницу мы с ним были у Никитенки, — сообщал он родственникам. — Там очень много о ней говорили. Между прочим Булич (казанский профессор и историк русской литературы. — *Н. Б.*), недавно приехавший сюда держать докторский экзамен, как вошел, начал говорить, что какой-то Пыпин написал прекрасную статью и т. д. Ему сказали: «А вы знаете, где этот г. Пыпин?» — «Нет». — «Он сидит рядом с вами». Такие сцены приятно действуют на близких людей. Говорили о том, что надобно хлопотать для Сашеньки о месте в Харьковском университете, которое на-днях открылось. Конечно, может случиться, что эти хлопоты останутся без успеха, но они показывают, как смотрят на Сашеньку».

Но в глубине души эти труды Сашеньки не очень, разумеется, интересовали Николая Гавриловича. Гораздо более важным, чем историко-литературные курсы, представлялось ему распространение в широких слоях читателей революционных идей передовой русской мысли и прежде всего — идей Белинского.

«Часто приходится вспоминать с сожалением о тех одушевленных разговорах, которые, бывало, вел я в беседе с вами, — писал в эти дни Чернышевский в Сара-

тов Н. И. Костомарову. — Апатия в Петербурге достигла чрезвычайно высокой степени развития; нельзя узнать тех людей, которых я знал года два назад... Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию».

Его возмущало, что место Белинского в журналах заняли библиографы, знающие наизусть редкие каталоги книг и поглощенные буквоедскими изысканиями. «Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой как средством распространения человеческого взгляда на вещи...»

Чернышевский отлично понимал, что менее всего можно было влиять на жизнь общества составлением словарей к летописям и трактатами о падежах в древнеславянском языке. Живая, страстная мысль революционного демократа искала другого применения своим силам. Еще в первый год пребывания в университете мечтал он, что приближается время, когда Россия мощно и самобытно выступит на поприще науки, и верил уже тогда, что будет участвовать в этом движении.

